

Вознесенскому. Я видел у Сергея подаренную им книгу с теплейшими словами и признанием его огромного таланта. Хотя, на мой взгляд, можно было тут же, запоздало, повиниться перед ним, но чего не было, того не было.

Сергей, при своем богатырском здоровье, прожил недолгую жизнь, и она вся была отдана поэзии. Однажды летом, в начале 80-х, я встретил его на улице Горького, куда-то он спешил с очень счастливым лицом, таким я не видел его никогда. Я окликнул его. Мы обнялись, и он радостно достал из кейса сигнальный экземпляр однотомника, готовящегося к выходу в «Художественной литературе». Что такое издаться в «Художественной литературе», знают

только писатели. Это высочайшая оценка труда писателя, и редко кто может похвалиться, что издавался там. Слава богу, хоть тут не закрыли ему дорогу, поступили с ним справедливо.

Может возникнуть вопрос, почему я столько лет молчал? Отвечу: чтобы затрагивать такие тонкие вопросы, касающиеся коллег, самому надо состояться в литературе, создать что-то стоящее. Вот вышел у меня в «Художественной литературе» большой однотомник тиражом 250 тысяч, и пришло время мемуаров. Сегодня воспоминания логично появились о моём друге Сергее Поликарпове, чей успех душили в колыбели, когда он только расправлял свои могучие крылья.

Отель «Амирандес», Крит

очерк

Писатель, редактор, художник...

С Ахатом Мушинским мы знакомы с прошлого века, когда он был автором и ведущим телевизионной программы «У зелёного камина». Программа эта пользовалась большой популярностью. В беседах у живого огня на протяжении десяти лет участвовало немало знаменитых и интересных людей. Наша встреча была приурочена к моему 60-летию, и Ахат Хаевич со своей съёмочной группой прибыл в Москву. Съёмка проводилась на моей квартире, которую я недавно купил, и, как исключение, без камина с огнём.

Тем не менее встреча получилась

тёплой, если не сказать, жаркой. Чувствовалось, что ведущий передачи к беседе подготовился основательно. В ту пору мои романы переиздавались гигантскими тиражами, и имя моё было широко известно. Собеседник оказался таким же общительным человеком, как и я сам. Он тоже писал прозу, и его имя было на слуху. Я вспомнил – его отец, основатель иллюзионного жанра Татарстана Хай-абый Мушинский и мама Рабига-апа, певица оперного театра, были заметными фигурами в татарской культуре. Такие европеизированные фамилии, как Ильская, Волжская, Болгарская,

позже – Ашказарский, Минский, появились ещё в первой половине прошлого века. Мушинский с подобной конфигурацией своей фамилии стал в их ряд, передав её своим потомкам.

В тот день Ахат Мушинский подарил мне свой роман «Записки горбатого человека». Книга, написанная от первого лица в форме записок, размышлений, откровений, когда автор обнажает не только героев своего произведения, но и самого себя, взяла меня, умудрённого всемирной литературой книгочехя, за живое. И главное, в «Записках» трудно отличить действительность от вымысла, реальные события – от фантастической. До того реалистично, правдоподобно описывает Мушинский самые невероятные вещи, что остаётся только удивляться и верить. И бежать за авторской строкой с единственным вопросом: что же дальше? Бежать, то и дело останавливаясь для переваривания прочитанного и размышлений. Книгу я перечитал дважды. И каждый раз, открывая для себя что-то новое. Прав был Рафаэль Мустафин, сказав о романе, что в республике до этого не было написано ничего подобного. Недаром это произведение удостоено Державинской премии.

Потом я прочёл его роман «Шейх и Звездочёт», который он написал намного раньше «Записок». Тут другая проза – историческая и, стало быть, сугубо реалистическая. Здесь с головой окунаешься в 50-е годы прошлого века, в бревенчато-деревянную Казань с голубятнями во дворах, с ароматами яблоневых садов и свежими ветрами с Волги. А также с экскурсами в более далёкое прошлое, когда в город вступали белочехи, когда в оперном театре освобождённого города выступал председатель Реввоенсовета товарищ Троцкий, когда свергался на глазах юного студента памятник Державину на Театральной площади... Главные герои романа подросток Шаих по кличке «Шейх» и Звездочёт – астроном местной обсерватории. Конечно же, запомнился дезертир, новоявленный отчим подростка. Но этот дезертир не похож на своего безвольного «коллегу» из повести В. Распутина «Живи и помни». Он изобретателен, деятелен, продаёт хлеб железнодорожными составами, в Казани устраивается завскадом цирка, живёт на широкую ногу. И подросток Шаих вступает с заматерелым аферистом в смертельное противостояние... Читается роман с возрастающим интересом. Он познавателен и важен тем, что о подростках сегодня никто практически не пишет.

И ещё. Меня, поздно открывшего для себя Казань, радует и восхищает тысячелетняя столица в прозе Ахата Мушинского, где, как в настоящем казане, как в огромном плавильном котле, смешаны разные народы, где встречаются Восток с Западом, и которая одновременно является для нашего народа сакральным местом. «Это наша Мекка», – говорила моя мама.

Что примечательно, Ахат Мушинский начал свой творческий путь сразу с крупных прозаических форм, а теперь стабильно выдаёт рассказ за рассказом. Последний свой рассказ на данное время он посвятил дуэли и смерти Пушкина. Точнее, реабилитации секунданта Данзаса. Многие его современники и нынешние исследователи обвиняют Константина Карловича в том, что он не предотвратил дуэль и последовавшую за ней смерть своего друга ещё со времён Царскосельского лицея. Вообще, если углубиться в историю жизни Пушкина, то обнаруживается множество толкований, версий, объяснений всего, что творилось вокруг него, да и поведения и поступков самого поэта. Так вот, Ахат Мушинский выстроил свою, весьма реалистическую линию судьбы Пушкина и событий вокруг него. Рассказ с судьбоносным, как выходит из повествования, названием «Перстень с бирюзой» читается на одном дыхании, перечитыва-

ется с карандашом в руке и заставляет поверить в сказанное.

Надо заметить, проза Мушинского адресована подготовленному, образованному читателю, в ней много ассоциативных ссылок, связанных с историей, искусством, литературой; весьма часты, казалось бы, отвлечённые размышления, которые в итоге вместе с главной линией повествования составляют одно целостное прозаическое полотно. Недаром вдумчивые читатели называют прозу Мушинского интеллектуальной.

В те времена, когда мы с Ахатом вступали в литературу, общество обращало внимание не только на проблески таланта, но и на биографию. Это сегодня недоросли прямо со школьной скамьи, без никаких сомнений определяют себе путь в композиторы, режиссуру, писатели – оттого-то ныне в книгах, фильмах, спектаклях и нет реальной жизни, волнующих тем, а процветают ремейки, перепевы, да и те неудачные. Нет знания жизни, опыта, самостоятельности суждений.

У Ахата Мушинского завидная биография. Вырос он в творческой среде, родители были причастны к новому искусству молодого государства. С детских лет Ахат знал, что такое сцена, гастроль, театральная жизнь, видел и общался с теми, кто стоял у истоков татарской культуры и оставил в ней свой след. Это дорогого стоит, и мало кому выпала такая судьба. Я думаю, что в его предстоящих мемуарах мы ещё прочитаем о корифеях нашей национальной культуры.

В те годы от армии не «косили», и в 18 лет юный Ахат был призван на службу, и не куда-нибудь, а в пограничные войска. Служил молодой солдат на советско-польской границе. Там он начал писать в окружную газету, куда его и пригласили на стажировку. Предложили остаться в редакции, учиться в высшем военно-политическом училище во Львове. Но Ахат решил вернуться в Казань

и учиться в родном университете. Об армейской жизни и о первой любви Ахат Хаевич напишет через десятилетия пронзительно-нежный рассказ «Иренка». Думаю, кино когда-нибудь обратит на него внимание – история глубочайшая, волнующая, готовый сценарий.

У Ахата Хаевича есть ещё одна яркая способность – не только видеть масштабно наперёд, но и реализовывать задуманное, что редко кому удаётся в жизни. Речь идёт о Татарском ПЕН-центре, который уже 25 лет входит во Всемирную ассоциацию писателей – Международный ПЕН-клуб. У истоков создания этой организации стояли три наших писателя – Туфан Миннуллин, Разиль Валеев (президенты организации) и Ахат Мушинский – директор со дня основания. К сегодняшнему дню Татарский ПЕН-центр выпустил десятки книг татарской литературы на русском, английском, турецком языках и распространил по миру, участвуя во Всемирных писательских конгрессах в Мексике, Шотландии, Финляндии, Германии, Австрии, Сербии, Словении, Македонии и других странах. И Тат-ПЕН, и телепрограмма «У зелёного камина», – это, в принципе, одна линия популяризации татарской литературы в России и за её рубежами. Общий эффект их для татарской культуры трудно переоценить.

Напомню ещё, Ахат-эфенди стоял и у истоков журнала «Идель», формировал состав русско-язычной редакции, тематику, содержание издания, его внешний вид. Нынче «Идель» прекрасно себя чувствует в огромном медиаморе. Семь футов ему под килем!

Да, нынче – год юбилеев. Татарскому ПЕН-центру исполняется 25 лет, Международному ПЕНу – 100, моему другу Ахату Мушинскому – 70, а мне, замечу, – 80.

Весной к 70-летию Ахата Мушинского вышла в Таткнигоиздате большая,

прекрасно изданная книга под названием «Запах анисовых яблок», где соседствуют роман, повести, рассказы, литературные портреты коллег, размышления автора об искусстве, литературе и о многом другом. Рекомендую, почерпнёте для себя много нового, неожиданного.

К яркому таланту прозаика, рассказчика, романиста я бы добавил ещё редкий дар, иногда встречающийся у литераторов, – дар редактора, цензора профессионализма и вкуса. Для того чтобы быть редактором, надо обладать редким слухом к чужому голосу, тексту. Обладать чутьём на фальшь, безвкусицу, бездарность, к сожалению, часто встречающихся в тоннах рукописей, проходящих через редакторское сито. Редакторов не любят, не ценят и даже обижают. Но это только от невежества, от собственной пустоты и неграмотности, от переоценки своих возможностей, в конце концов, – от отсутствия вкуса. Об этом у автора в упомянутой книге есть замечательный афоризм «О вкусах не спорят, вкусы воспитывают». Наличие вкуса много значит в оценке писателя и

его трудов. Ахат Хаевич обладает бесценным чутьём на талантливые тексты и абсолютным литературным слухом, который дарован ему природой.

Я работал со многими большими редакторами, но среди всех я бы особо выделил именно его. Он и как писатель состоялся по гамбургскому счёту, и как вьедливый редактор сегодня стоит особняком, и как гл. редактор «Казанского альманаха» просто неповторим. С какой тщательностью, требовательностью формируется каждый номер альманаха, я знаю не понаслышке. Сам не раз страдал от его «редакторского микроскопа»! Альманах – издание ручной работы. Это, наверное, единственный в мире журнал, который полностью иллюстрируется самим главным редактором. (О даре живописца и графика моего друга – особая статья.) Я считаю большой удачей для себя, когда удаётся опубликоваться в «Казанском альманахе».

От всей души поздравляю моего друга и талантливого коллегу с юбилеем, желаю долгих лет ему, его клубу и альманаху!

Москва

